

УТВЕРЖДАЮ
Проректор по научной работе
СПбГУ
Н. Г. Скворцов
25 октября 2011 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Санкт-Петербургского государственного университета – о диссертации Маргариты Моисеевны Одесской «Чехов и проблема идеала (Смена этико-эстетической парадигмы на рубеже XIX–XX веков)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Диссертационное сочинение М. М. Одесской – это обобщающее комплексное исследование, затрагивающее наиболее сложные и актуальные вопросы как поэтики А. П. Чехова, так и специфики литературного процесса в России конца XIX – начала XX века. Вопрос о месте писателя в этом процессе диссертантка пытается решить, рассматривая чеховское творчество сквозь призму отношения автора к идеалам предшествующей эпохи. М. М. Одесская считает, что основой этико-эстетической парадигмы XIX века является кантовско-шиллеровская триада правды, добра и красоты. Постулированное в ней единство этического и эстетического начал служит тем абсолютном, идеалом, к которому устремлен писатель, осознающий трагический разрыв между реальным и идеальным и ставящей перед собой воспитательную цель – возвышать читателя над действительностью. По мнению автора диссертации (и в этом она солидарна с З. Г. Минц и другими современными исследователями и критиками), шиллеровская «идеалистическая» концепция искусства была имманентно свойственна русской литературе XIX века как в эпоху романтизма, так и в эпоху реализма. Она определяла их телеологическую основу, выдвигая на передний план в различные периоды истории то один, то другой компонент триады. В период кризиса, на рубеже XIX – XX веков, под влиянием позитивизма, дарвинизма, марксизма, агностицизма и идей Ницше происходит ценностная и идейная дезинтеграция, осознававшаяся русскими писателями и мыслителями того времени как утрата идеалов, мировоззренческой целостности, как эпоха «безвременья» и «крушения гуманизма». М. М. Одесская, однако, полагает, что период «безвременья», в который происходит становление Чехова как писателя, не следует воспринимать однозначно негативно: тот же период можно воспринимать как время переоценки ценностей, необходимое для движения вперед, выработки новых принципов художественного осмысления действительности; как время начала началом модернизма. Таким образом, М. М. Одесская присоединяется к тем ученым (В. Страда, В. Б. Катаев), которые рассматривают Чехова не

как писателя «конца» великой эпохи, продолжателя и завершителя реалистической традиции русской литературы, а как писателя «начала». Исследовательница считает, что Чехова не следует причислять к какому бы то ни было литературному направлению, потому что его творчество, как и творчество любого крупного писателя, выходит за узкие направленные рамки. М. М. Одесская фактически отказывается от понятия «реализм», поскольку слово «реализм» остается многозначным и несет в себе идеологические коннотации марксистского литературоведения, устанавливавшего иерархию направлений в искусстве, и предлагает свою концепцию смены культурных эпох на рубеже веков. По ее мнению, модернизм как новое искусство, пересматривающее прежнюю систему ценностей, явился реакцией не на реалистическое направление, а на прежнюю идеалистическую модель искусства, цель которого «возвышать и облагораживать читателя» (С. 39).

Автор диссертации считает, что именно Чехов – писатель переходной эпохи – явился той знаковой фигурой, которая сыграла решающую роль в разрыве литературы с принципами классической художественности. В его творчестве идеалистическая интенция искусства, ее воспитательная направленность «обнаружила свою несостоятельность» (С. 383). Вместе с тем, утверждает диссертантка, Чехов прочно связан с традицией «классической» литературы, его герои действуют в новом тексте, «на них лежит печать рецепции и интерпретации автора, а также их собственное осознание себя героями, уже отыгравшими роли в известных произведениях» (С. 383). М. М. Одесская показывает, что именно вопрос об идеалах явился яблоком раздора между «отцами» (прежде всего критиками-народниками) – сторонниками нравственного воспитания читателя, и «детьми» – новым поколением писателей и критиков, отстаивавших независимость искусства. Рассматривая отношения «отцов и детей», исследовательница уделяет большое внимание трактату Л. Н. Толстого «Что такое искусство?», в котором великий моралист выступил против идей Ницше и новых тенденций, подрывающих основы нравственно-воспитательного назначения искусства.

М. М. Одесская показывает на многих примерах, как в художественном творчестве Чехова и его эпистолярном наследии проявилось осознание писателем исторической относительности «идеалов». Чехов развенчивал прежние идеалы, которые к концу века «стали восприниматься как некие химеры, своего рода фетиши» (С. 70), но одновременно и понимал, насколько пуста без них жизнь. Диссертантка полагает, что одним из главных предметов художественной рефлексии писателя было противоречие между устремленностью людей к высоким идеалам и недолговечностью любых идеалов. М. М. Одесская указывает, что первым, кто показал трагическое столкновение писателя с «ничто», был Лев Шестов. В отличие от народнической критики, вменявшей Чехову в вину отсутствие в его произведениях идеалов, философ-экзистенциалист рассматривает это явление, не прибегая к оценочным характеристикам, а только констатируя новизну художественного мышления писателя.

М. М. Одесская показывает, что на рубеже веков Чехов оказался фигурой, чужеродной всем литературным партиям, в том числе символистам и марксистским «преобразователям жизни». Обобщая эти наблюдения, диссертантка указывает, что Чехов по всем параметрам «выпадает» из традиционной системы художественности русской классической литературы и предстает как фигура одинокая. Это одиночество (которое замечали и современники) не случайно: один из главных выводов работы состоит в утверждении, что творчество Чехова сформировало новую этико-эстетическую парадигму, контрастно-диалогичную по отношению к прежней, идеалистической. Чехов дистанцируется от своих героев, которые живут исчерпавшими себя идеалами, и показывает, как идеалы со временем ветшают, превращаются в догмы, избитые клише.

Стараясь понять и объяснить парадоксы восприятия Чехова его современниками различных направлений и идейных убеждений, исследовательница доказывает на большом материале, что в их интерпретации творчества Чехова проявилась тенденция проецировать собственную идеологическую позицию на его произведения (народники, Горький, С. Булгаков, символисты). Среди прочего М. М. Одесская анализирует и причины мировоззренческого разрыва Чехова с Горьким и марксистской концепцией человека будущего. В рамках предлагаемой в диссертации концепции мечты о прекрасном человеке будущего принадлежат к старой идеалистической парадигме, в то время как мечты чеховского Астрова оказываются созвучны идеям ученых-эволюционистов Бокля и Спенсера, а также мыслям Владимира Соловьева. М. М. Одесская показывает, что Горький интерпретировал понравившуюся ему пьесу «Дядя Ваня» с позиций революционного времени. Чехов, в свою очередь, не принимал brutальных горьковских героев, критиковал стиль его произведений. В чеховских текстах, в отличие от горьковских, нет рупоров авторского голоса, и даже Астров, произносящий слова, которые в советское время стали афоризмом, не является резонером. Чтобы доказать это положение, диссертантка прослеживает, как трансформировался образ Астрова от «Лешего» к «Дяде Ване» и как в процессе этой работы «центр тяжести» пьесы перемещался с доктора на во многом дублирующего его Войницкого.

Отличительная черта диссертационного исследования – рассмотрение творчества Чехова в широком литературном контексте, который необходим для того, чтобы показать, от чего отталкивался писатель в своем движении к новому осмыслению действительности. В работе представлена рецепция творчества Чехова в критических, философских, публицистических сочинениях его современников, подробно рассматриваются духовные и эстетические искания многих мыслителей переходной эпохи. Произведения Чехова анализируются в сопоставлении с творчеством как русских, так и зарубежных авторов.

Композиция работы отличается продуманностью и стройностью. Основная часть исследования состоит из четырех глав. В первых двух

творчество Чехова рассматривается в контексте этико-эстетических идей середины XIX – начала XX века и в свете «идеалистической» парадигмы. В третьей и четвертой главах общие положения конкретизируются на наиболее репрезентативном материале: здесь прослеживается, как идеал женственности и связанные с ним проблемы любви и брака воплощаются в творчестве русских писателей XIX века и как в эпоху скептицизма разрушаются этико-эстетические каноны, что находит отражение и в произведениях Чехова.

Основные положения работы доказываются в ходе пристального анализа множества чеховских текстов. Вопросы правды, добра и красоты, как показывает М. М. Одесская, организует структуру таких шедевров Чехова как «Студент», «Дуэль», «Скучная история» и др. Герои этих произведений высказывают подчас достаточно определенные мнения по этим вопросам, однако их мнения не имеют у Чехова статуса истины (в этом диссертантка солидарна с мнением В.Б. Катаева). «Идеал для Чехова, – резюмирует М. М. Одесская, – это проблема, а не готовая истина, нравственный императив» (С. 24). Обращаясь к таким произведениям, как «Красавицы», «Скрипка Ротшильда», «Черный монах», диссертантка показывает, что красота в мире Чехова – категория амбивалентная, не связанная с этическими категориями. Отвечая на вопрос о специфике чеховской этики, М. М. Одесская утверждает, что в отличие от своих современников (Л. Толстого, Н. Федорова, Вл. Соловьева), Чехов не воспринимал добро и зло как полярные противоположности, в его художественном мире эти категории представляют собой такое же экзистенциальное единство, как жизнь и смерть. Кругозоры автора и героев отличаются отношением к этическим ценностям: для героев эти категории разведены; персонажи часто репрезентируют идеалистическое сознание и модели поведения, они живут идеалами, превратившимися в догмы.

Решается в диссертации и спорный вопрос о доминирующей в чеховском творчестве эстетической категории. Отказ от «идеалистического» взгляда на мир влечет за собой невозможность высокой трагедии. М. М. Одесская показывает, как толстовские драматические ситуации взаимоотношения полов («Анна Каренина», «Крейцерова соната») в чеховской интерпретации не только теряют свою остроту, но и, соединяясь с низкой культурой, превращаются в штампы. Чехов, считает исследовательница, развенчивает мифологизированное сознание героев, воспитанных на литературных идеалах своего времени («Ариадна»).

Диссертантка ставит вопросы как общего характера о месте Чехова в литературном процессе, о смене этико-эстетической парадигмы на рубеже веков, так и более частного – сосредотачивает свое внимание на конкретном анализе отдельных произведений Чехова, Толстого, Гончарова, Тургенева и др.

Представленная в диссертации концепция, противопоставляющая Чехова «идеалистической» парадигме и выводящая писателя за рамки традиционных литературных течений и направлений, представляется глубоко продуманной.

Однако можно высказать несколько мелких замечаний. М. М. Одесская справедливо замечает, что термин «реализм» был идеологически «нагружен» в советское время и обычно оказывался синонимом высших достижений в искусстве. Заметим, однако, что наряду с этим «советским» подходом предлагались и нейтральные в идеологическом отношении концепции реализма (например, в работах И. П. Смирнова¹ или Ю. В. Манна²), причем в них находилось место и чеховскому творчеству. По-видимому, сопоставление идей диссертантки с подобными работами обогатило бы диссертацию. Другое замечание касается часто используемых в работе слов «идеализм», «идеалистический» и их производных. М. М. Одесская оговаривается, что употребляет термин «идеализм» в специфическом значении вслед за американской исследовательницей Наоми Шор (С. 20). Однако для постсоветского читателя эти слова нагружены идеологическими коннотациями не в меньшей степени, чем «реализм», и вызывает ненужные ассоциации с марксистским «основным вопросом философии». Возможно, какая-нибудь нейтральная замена выражения «идеалистическая парадигма» могла бы убрать эти ассоциации.

Указанные замечания носят рекомендательный характер и ни в коей мере не умаляют масштаба и значения проделанной работы. Ее научная ценность бесспорна, а выводы, несомненно, будут широко использоваться в исследовательской, преподавательской и комментаторской практике, будут осмысливаться по отношению к другим крупным писателям рубежа веков и литературному процессу в целом.

Работа М. М. Одесской позволяет по-новому взглянуть на проблематику и поэтику чеховских произведений и на место писателя в литературном процессе. Более того, отталкиваясь от творчества крупнейшего писателя переходного периода, данная работа предлагает самостоятельную концепцию смены историко-культурных парадигм на рубеже XIX – XX веков, свободную от традиционной «линейки» литературных направлений, и потому обладает несомненной теоретической ценностью. Предложенный М. М. Одесской подход к творчеству Чехова и вопросам литературной эволюции представляется весьма плодотворным и многообещающим и открывает новые исследовательские перспективы. Диссертация вносит большой вклад в изучение творчества Чехова и литературного процесса конца XIX – начала XX века, является новаторской по исследовательскому методу, богатой по материалу и убедительной по аргументации и выводам.

Содержание диссертации отражено в автореферате, монографии объемом 23 авторских листа и семидесяти публикациях (из них 10 статей в изданиях, рекомендованных ВАК). Автореферат отражает основные положения представленной диссертации.

¹ См.: Деринг Р., Смирнов И. Реализм: Диахронический подход / Р. Деринг, И. Смирнов // Russian Literature. 1980. Vol. 8 – 1. P. 1–39; Смирнов И. П. Психодиахронология: психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: НЛЮ, 1994. С. 81–130.

² См.: Манн Ю. В. Автор и повествование // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 431–480.

Диссертация Маргариты Моисеевны Одесской на тему «Чехов и проблема идеала (смена этико-эстетической парадигмы на рубеже XIX–XX веков)» соответствует требованиям П. 8 Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК РФ, предъявляемым к докторским диссертациям. Ее автор, безусловно, заслуживает присуждения степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01- Русская литература.

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ А. Д. Степановым, обсуждён и утверждён на заседании кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ (протокол № 2 от 21 октября 2011 г.).

Декан
Филологического факультета СПбГУ

проф. Л. А. Вербицкая

Заведующий кафедрой
истории русской литературы
Филологического факультета СПбГУ

проф. А. А. Карпов